

ЭРИК ФОРД

РОТШИЛЬДЫ ПРОТИВ ПУТИНА

УДУШАЮЩИЙ ПРИЕМ

Хозяева мира

Эрик Форд

**Ротшильды против
Путина. Удушающий прием**

«Алисторус»

2020

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

Форд Э.

Ротшильды против Путина. Удушающий прием / Э. Форд —
«Алисторус», 2020 — (Хозяева мира)

ISBN 978-5-907332-03-4

Эрик Форд, писатель, публицист и политолог, известен своим расследованиями тайн мировой закулисы. Особый интерес вызывает у него Россия, ее место в мире, борьба за влияние в ней как международных, так и внутренних политических и финансовых группировок. В своей новой книге он рассказывает, как создавалась «империя Путина» – уникальное явление в русской и мировой истории. Правда ли, что приход Путина состоялся с помощью неких могущественных сил, в том числе известного «Общества Мон Пелерин», какую роль сыграл в этом еще более известный «Комитет 300»? Каким образом в России столкнулись интересы Ротшильдов и Рокфеллеров, и чью сторону принял Путин? С какими внешними и внутренними проблемами он столкнулся? Правда ли, что падение цен на нефть и эпидемия коронавируса стали лишь орудием в разгроме путинской империи?

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-907332-03-4

© Форд Э., 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эрик Форд
Ротшильды против
Путина. Удушающий прием

© Форд Э., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Предисловие Империя Путина

Империя Путина? Еще недавно она казалась реальной. В 2014 году, когда присоединение Крыма к России показало, насколько велики у Путина имперские амбиции, Марк Галеотти и Эндрю Боуэн писали в своей статье в *Foreign Policy*:

«Когда в 1999 году Владимир Путин впервые пришел к власти, он прибегал к идеологической риторике, но действовал рационально. Он прислушивался к разным людям – в том числе таким как либеральный экономист Алексей Кудрин и Владимир Сурков, которые были готовы говорить ему неудобную правду и ставить под сомнение шаблоны. Путин мог считать распад Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX века, но понимал, что не сможет его воссоздать. Возможно, лучшей метафорой для его курса было то, что он вернул советский гимн, но с новыми словами. К тому же Путин, который всегда носит свой крестильный крест и часто называет себя верующим, поддерживал некогда притеснявшуюся Русскую православную церковь.

Он был российским патриотом, но был готов сотрудничать с Западом, когда это было в его интересах. После 11 сентября он одним из первых выразил свои соболезнования США и поделился разведывательными данными об Аль-Каиде. Путин не стеснялся выступать против Запада, защищая российские интересы – в 2008 году он сделал невозможным вступление Грузии в НАТО, начав войну против крайне прозападного президента Михаила Саакашвили, – но всегда тщательно выверял свои шаги, стараясь минимизировать отрицательные последствия и максимизировать положительные. Он прекращал поставлять газ Украине, натравил хакеров на Эстонию и послал солдат в Грузию, однако всегда следил за тем, чтобы убытки от этих попыток утвердить региональную гегемонию были ограниченными, терпимыми и краткосрочными».

Однако, пишут Галеотти и Боуэн, в 2014 году Путин резко изменил курс своей политики, причем присоединение Крыма стало лишь поводом к этому, поскольку по всем рациональным критериям оно не имело смысла. Россия и без того обладала на полуострове огромным влиянием, но при этом – в отличие от Украины – не была обязана субсидировать Крым, а присутствие российского Черноморского флота в порту Севастополя было обеспечено до 2042 года.

Новой основой путинского курса стал возврат к имперским устремлениям во внешней политике и поиск «русской идентичности» с опорой на официальный патриотизм – во внутренней. Всё, что противоречит доктрине официального патриотизма, объявляется космополитизмом и аморальностью, а главным источником заразы считается Запад.

Кому-то может показаться, что такой подход является попыткой реинкарнации сталинской империи послевоенного периода, но это не так.

Империализм, порожденный идеями Путина о русской идентичности, продолжают Галеотти и Боуэн, не совпадает полностью ни с царистским, ни с советским. Царизмом двигала логика экспансии – максимального расширения российских земель. При этом, хотя Российская империя была многонациональной, никто не сомневался, что этнические русские были в ней главным народом, а все прочие – за исключением таких немногочисленных групп, как, например, прибалтийские немецкие аристократы, на которых опирался царь Николай I, – были подданными второго сорта. Речь идет именно о *Russkii*, этнических русских, а не о *Rossiiskii*, русских по гражданству. Напротив, советский империализм воплощал собой – по крайней мере теоретически – политическую идеологию, которая не ограничивала себя одним народом или культурой, придерживалась интернационалистской риторики и была нацелена на проповедь.

Путин потратил немало усилий, чтобы создать новый российский государственный национализм, лишенный утробного антисемитизма Российской империи и не отражающий расизм

и ксенофобию, которые широко распространены в российском обществе. По мнению Путина, «русский народ, безусловно, является, костяком, основой, цементом многонационального русского народа». Другими словами, хотя этнические русские не правят государством, они обеспечивают основы «русской цивилизации», на которых оно покоится.

Называя Россию «цивилизацией», Путин давал понять, что он возвращается к освященной веками вере в то, что в России есть нечто уникальное, связанное не только с ее этнической идентичностью, но и с ее историей, и с ее культурой. Эта вера возникла, когда страна стала главным оплотом восточного православия после падения Константинополя. Как выразился Путин в 2012 году в своем послании Федеральному собранию, «для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую, мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития».

Путинская идея русскости совмещает суровый героизм советских защитников Сталинграда с восторженной казачьей преданностью царю, но не включает в себя ни гуманизм Андрея Сахарова, ни аскетический морализм Льва Толстого. Это – подтасованная версия русской истории и философии, которая подкрепляет представления Путина о национальной исключительности. Президент рекомендовал российским губернаторам читать работы трех видных мыслителей 19–20 веков: Николая Бердяева, Владимира Соловьева и Ивана Ильина. Эти три философа, которых Путин часто цитирует, также верили в то, что России принадлежит особое место в истории. Они романтизировали повиновение сильному правителю, способному обузывать бояр и защищать народ от культурного разложения, и считали, что православная церковь должна защищать русскую душу и русские идеалы.

Таким образом, Путин напрямую апеллировал к классической российской дихотомии между автократией и анархией, а также к опыту, пережитому страной в 1990-х годах, когда не было надежной и сильной центральной власти, и России пришлось столкнуться с восстанием, бандитизмом и нищетой, а также утратить геополитическое значение. В 2013 году в очередном послании Федеральному собранию Путин провел параллель между авторитаризмом и общественным порядком, заявив: «Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию».

«Именно на этом основано новое мировоззрение Путина, – пишут Галеотти и Боуэн. – Бывший политический прагматик теперь верит в уникальность российской культуры, в нависшую над этой культурой угрозу и в то, что именно он должен ее спасти. Идея империи, основанной на цивилизации, играет для Путина ключевую роль».

С этим были связаны очевидные изменения во внутренней политике. В прошлом Путин был патриотом, православным верующим и социальным консерватором, но отделял личные взгляды от государственной политики и не пытался диктовать обществу свое мировоззрение. Более того, в 1999 году он говорил, что «там, где есть государственная идеология как нечто официально благословляемое и поддерживаемое государством, там, строго говоря, практически не остается места для интеллектуальной и духовной свободы, идейного плюрализма, свободы печати – а значит, и для политической свободы».

«Однако теперь он хочет запретить то, что раньше просто не одобрял. Новая консервативная политика с законами против "пропаганды гомосексуализма", жестоким преследованием участниц панк-группы Pussy Riot после их "кошунственного" выступления в церкви и усилением контроля над СМИ указывает на новую моральную платформу – националистическую и культурно-изоляционистскую. В последних его выступлениях он постоянно заводит речь о "разрушении традиционных ценностей", угрожающем российскому обществу мораль-

ной деградацией. В связи с этим на первый план выходит Русская православная церковь – как символ и бастион традиционных ценностей и всего, что они означают для нового империализма.

И даже если империя Путина существует только у него в голове, даже если ее границы туманны, а интеллектуальные основы сомнительны, остальному миру все равно придется иметь дело с этой конструкцией, пока Путин остается в Кремле», – заканчивали свою статью Галеотти и Боуэн.

* * *

С тех пор многое изменилось. Эйфория, связанная с присоединением Крыма, прошла; западные санкции существенно подорвали и без того находящуюся в не лучшем положении экономику России; социальная напряженность в стране усилилась, вместе с чем усилились репрессивные меры Кремля; монополия Путина на власть, отсутствие в России реальной оппозиции лишь усугубили внутренние противоречия.

Империя Путина начала трещать по всем швам; в отчаянной попытке спасти ее он пытается провести конституционную реформу, однако судьба, так долго помогавшая Путину, похоже, отвернулась от него. Эпидемия COVID-19, пришедшая в Россию и чрезвычайно обострившая все ее проблемы, совпала с обрушением цен на нефть, которая всегда была основным источником доходов путинской России.

Империя Путина рушится на наших глазах, ее окончательных крах – это лишь вопрос времени. Но только ли коронавирус и падение цен на нефть стали причиной ее краха?.. Об этом пойдет речь в данной книге.

Э. Форд

Введение

Россия как «отдельная цивилизация»

В одном из своих выступлений Владимир Путин назвал Россию «отдельной цивилизацией». В русском языке слово «отдельная» имеет двоякое значение: первое – особая, не похожая на других, второе – изолированная (например, «отдельная палата»).

К империи Путина подходят оба этих значения: для нее присущи черты, которые А. Тойнби называл характерными признаками «универсального» государства. Он писал («Война и цивилизация»): «Каковы причины этого феномена, столь странного на первый взгляд? Одна из явных причин заключена в силе личного обаяния, производимого основателями универсальных государств и их последователями. Причем, как правило, эти впечатления передаются последующим поколениям с сильными преувеличениями, превращаясь в легенду.

Другая причина устойчивости веры в бессмертие универсальных государств – впечатляющая грандиозность самого учреждения. Эта грандиозность вырастает из смутного времени и символизирует оживление распадающегося общества, поэтому она и завоевывает сердца людей.

Третья причина – тоталитарность, всеобъемлющий характер универсального государства. В политическом плане универсальное государство – высшее выражение чувства единства, которое является психологическим продуктом процесса социального распада. Универсальное государство устанавливается основоположниками и воспринимается подданными как панацея от бед смутного времени».

Если говорить о России, ее история состоит из постоянно повторяющихся периодов «смутного времени», единственным спасением от которого казалось «универсальное» государство. Оно воспринималось как панацея от всех бед, во имя него русские готовы были терпеть любые лишения, идти на самопожертвование.

Государство очень быстро осознало это и начало использовать такие черты национального характера в своих интересах. Известное высказывание Сталина о том, что люди – всего лишь винтики в государственном механизме, точно отражало реалии русского мира. В то время как на Западе шла непрерывная и успешная борьба за благополучие каждого конкретного человека, в России высшей целью существования считалось укрепление государственной машины. В результате, как отмечают многие исследователи, государство своими политическими амбициями и военными потребностями деформирует естественное развитие экономики и общества. Известный историк Василий Ключевский писал, что на протяжении русской истории «внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа».

Одним из способов доказать необходимость тоталитарного государства и, соответственно, ограничения свободы народа было постоянное напоминание о внешних угрозах. Пожалуй, нигде в мире не говорили так много о враждебном окружении страны, как в России. Со времен Московского царства и до нашего времени здесь вновь и вновь реанимируется тезис о «чужих» и «хищниках», готовых растерзать страну и уничтожить ее. Каждое вражеское нашествие служит дополнительным подкреплением этого тезиса, каждое внутреннее потрясение объясняется влиянием враждебных России сил. Между тем беспристрастный анализ хода мировой истории показывает, что Россия вовсе не была исключением из общего правила. Как отмечал все тот же Тойнби, любое государство в своем развитии вынуждено было постоянно отвечать на вызовы и угрозы внешнего мира, а также решать неизбежные внутренние проблемы.

* * *

Обзор истории «универсального государства» в России как предтечи путинской империи полезно будет начать с выдержек из книги Ричарда Пайпса «Собственность и свобода». Он пишет: «До 1991 года у русских и у народов, которые они себе подчинили, гражданских прав было мало, а политических (если исключить десятилетие между 1906 и 1917 годом) – никаких. Во времена абсолютизма власть верховных правителей России была более абсолютной, чем у их западных собратьев; в эпоху демократии Россия держалась за абсолютизм дольше, чем любая европейская страна. А в течение семи десятилетий коммунистического правления она создала режим, лишавший ее народ свободы в такой степени, какой не знала вся предшествующая мировая история.

На протяжении двух с половиной веков (приблизительно с 1600 по 1861 год) русские в огромном своем большинстве вели жизнь крепостных, принадлежавших либо государству, либо помещикам; они были прикреплены к земле и не могли обращаться к закону для защиты от своих хозяев или от правительственных чиновников.

Почему произошло такое отклонение от общего образца Западной Европы, к которой Россия принадлежит как по расе и религии, так и по географическому положению?

Российская предрасположенность к авторитарной форме правления не может быть приписана каким-либо генетическим свойствам. Город-государство Новгород, который во времена своего расцвета в XIV–XV веках включал в себя большую часть северной России, предоставлял своим гражданам такие же, а кое в чем и более существенные права, если сравнивать их с правами тогдашних жителей Западной Европы. Стало быть, причины российского авторитаризма следует искать в другом, и здесь прежде всего следует обратиться к природе первого русского государства, основанного в IX веке шведскими викингами. В отличие от норвежских и датских викингов, обрушившихся на Западную Европу, шведские завоеватели явились в Россию не как землевладельцы, а как купцы-авантюристы. У России не было плодородных земель, виноградников и оливковых рощ, которые привлекли скандинавов в Англию, Францию и Испанию, где они начинали разбойниками, а затем становились поселенцами. Экономически самым привлекательным, что она могла предложить, был транзитный путь в Византию и на Ближний Восток по сети рек, соединявших Балтику с Черным и Каспийским морями. Это был заманчивый коммерческий маршрут, потому что мусульманское завоевание Средиземноморья в седьмом и восьмом веках разорвало торговые связи Западной Европы с Ближним Востоком. Среди сохранившихся документов российской истории один из древнейших представляет собой составленный в 912 году н. э. договор викингов, тогда именовавшихся “русью”, с Константинополем. Клады византийских и арабских монет, найденные при раскопках в северо-западной России и в Скандинавии, свидетельствуют об оживленной торговле, которую викинги через Русь вели с восточным Средиземноморьем.

Скандинавские завоеватели в России не оседали и здешними землевладельцами не становились: в стране с малопродуктивной почвой, коротким сезоном сельскохозяйственных работ и очень подвижной рабочей силой торговля сулила гораздо больше выгод, чем земледелие. Поэтому викинги занимались тем, что вдоль главных речных путей воздвигали крепости-города для складирования товаров, которые поступали к ним в виде дани с местных жителей, славян и финнов, и которые они под усиленной охраной каждую весну отправляли в Константинополь. Как и в других частях Европы, они брали себе местных жен и со временем растворились в здешнем населении: общепринято считать, что к середине XI века они ослабли.

На потребу своей военно-торговой деятельности русские викинги (варяги) придумали необычную систему правления, которая отличалась столь примечательной особенностью как

перемещение князей, членов правящей династии, – по очереди в порядке старшинства – из одного укрепленного города в другой. Должность великого князя давала ее обладателю право “сидеть в Киеве”, то есть править в городе на Днепре, служившем последним перевалочным пунктом ежегодной экспедиции в Константинополь. Младшие члены клана властвовали над другими крепостями. Царство варягов быстро разрасталось по евразийской равнине, встречая слабое сопротивление со стороны разрозненных отсталых славянских и финских племен. Целью этой экспансии была, однако, не земля, а дань, которую брали в основном рабами, мехами и воском. Управление обширной территорией, находившейся под властью Киева, было очень ненавязчивым. В крепостях, населенных вооруженными ратниками и немногочисленными постоянными жителями в лице ремесленников, торговцев, служителей культа и рабов, складывалась зачаточная политическая жизнь с участием свободных людей в народных собраниях, называвшихся вече. Важно иметь в виду, что в России первые викинги, будучи правящей военно-торговой кастой, ни обработкой земли не занимались, ни в собственность себе ее не брали – в резком отличии от того, что имело место в Англии, где нормандские завоеватели присваивали себе право на все земли.

Одним из следствий было то, что основатели первого русского государства не выработали никакого четкого представления о разнице между их публичными и частными делами; они правили своим царством и распоряжались его богатствами, не замечая никаких различий между этими двумя видами деятельности».

* * *

Таким образом, русский путь развития уже изначально был своеобразным, что было предопределено как природно-климатическими, так и географическими факторами. Жизнь в России была тяжелее, чем на Западе, а сама страна находилась на пересечении торговых и военных путей между Западом и Востоком, причем натиск с Востока был куда сильнее и губительнее для России на протяжении первых веков ее истории.

Пайпс так говорит об этом: «Киевское государство, жестоко потрепанное набегами печенегов, было в 1237–1242 годах раздавлено монголами. Новые захватчики разрушали все города, оказывавшие им сопротивление, включая и Киев, где были погублены многие его жители. Они упорно продвигались в Европу и, возможно, покорили бы ее, – ибо за ними не числилось ни единого проигранного сражения, – но в 1241 году известие о смерти великого хана Угедея, преемника Чингисхана, заставило их повернуть вспять и возвратиться в Монголию.

Россия, достигшая было ненадежного объединения, теперь стала разваливаться. Южная и юго-западная части территории Киевского государства (сегодняшние западные Украина и Белоруссия) попали под власть сначала литовцев, потом поляков. На севере Новгород, который монголы покорить не сумели, но который вынужден был платить им дань (ясак), стал *de facto* суверенным городом-государством. Срединные районы, ядро будущего Российского государства, раскололись на множество династических княжеств. Монголы обратили их в провинцию своей империи, которой они управляли из Сарая на Волге, столицы Золотой Орды, одного из государств – наследников державы Чингисхана. Они оставили княжества нетронутыми, предоставив князьям-правителям делить свои владения между сыновьями. Каждый русский князь, получив свой удел, должен был отправиться в Сарай за ярлыком, подтверждавшим его права на эту землю как на вотчину.

Русского царства монголы физически не захватывали (как они захватили Китай, Корею и Иран), вероятно, ввиду его бедности и труднодоступности. Как и викингов, их в основном интересовала дань. В 1257–1259 годах, создавая базу для налогообложения, они составили кадастр земель в междуречье Волги – Оки и в Новгороде. Первоначально сбор дани они пере-

дали мусульманским откупщикам, которых поддерживали вооруженными отрядами, состоявшими в значительной мере из русских под командованием монгольских офицеров – баскаков. Но эти откупщики вызывали такое народное недовольство и так часто подвергались нападениям и самосуду, что после ряда городских восстаний в 1260-х и 1270-х годах, которые они жестоко подавили, монголы переложили ответственность за сбор дани на самих русских князей. В начале XIV столетия правитель города Владимира подрядился собирать ясак со всех княжеств, находившихся под властью Москвы, и благодаря этому стал великим князем. Так на великих князьях, сначала владимирском, а потом московском, и лежала эта обязанность до конца XV века, когда Золотая Орда распалась, и Россия дань платить перестала.

В период монгольского владычества русские князья смотрели на подвластные им территории как на свою частную собственность, от которой они могли отрезать земли, передаваемые в дар духовенству и своим служилым людям. Между своим личным имуществом и государственной собственностью никаких различий князья не видели. Такой взгляд на вещи подкреплялся и порядками, принятыми у монголов, которые всю свою огромную империю считали собственностью правящего императора и других потомков Чингисхана.

Для всего последующего развития России огромное значение имело то, что, говоря словами одного историка далекого прошлого, «государь был обладателем всей России, и частная собственность вытекла из государственной», – иначе сказать, в России частное брало свое начало в публичном. Частная собственность в этой стране не была ни основой становления государства (как в классические времена в Афинах или в Риме), ни тем институтом, который развивался наряду с государством (как в большей части Западной Европы); она проистекала из государства.

Взятие на себя русскими князьями ответственности за поддержание порядка и сбор дани от имени монголов имело различные последствия для политического будущего страны, причем все они были неблагоприятны для самоуправления. Во-первых, эти крайне непопулярные действия внесли отчуждение между князьями и их народом, создали ставшую постоянным фактом русской истории пропасть между правителями и управляемыми. Во-вторых, это поощрило князей на использование автократических методов. До монгольского завоевания русские княжества управлялись князьями в совете с вече, аналогом англосаксонского фолькмота. Немецкие купцы, посещавшие Новгород в средние века, поражались сходству вече с учреждением, которое они знали у себя в Германии под названием *ghemeine ding* или «общее дело», причем «дело» (*ding*) понималось в старинном значении «собрание». В домонгольское время вече были во всех русских городах, притом самые сильные среди них часто изгоняли князей, проигравших битву или как-либо иначе им не угодивших. Поэтому не без оснований можно предполагать, что при естественном ходе событий русские города, подобно западным, стали бы центрами самоуправления и гарантами гражданских прав для своих жителей.

Монголы предотвратили такое развитие. У них не было никакой нужды в вече, которое было опорой сопротивления их требованиям. Русские князья, обязанные собирать дань для монголов, также не имели причин благосклонно относиться к собраниям, которые мешали им выполнять свой долг перед монгольскими властителями. В результате во второй половине XIII века эти собрания остались без употребления. Исключение составил север, особенно Псков и Новгород, в других же местах вече исчезли, оставив князей единственными носителями власти. Там, где князья сталкивались с неповиновением своих подданных, они обращались за помощью к хозяевам-монголам. Князь Александр Невский, которого Сарай назначил великим князем во Владимир (1252–1263), и который позднее был канонизирован русской церковью, отличился жестоким подавлением народного сопротивления монгольским поборам. То же можно сказать и о московском князе Иване I Калите.

Таким образом, в условиях татаро-монгольского владычества шел естественный отбор, приводивший к тому, что наибольшая власть доставалась самым деспотичным князьям, теснее всего сотрудничавшим с завоевателями.

Монгольский способ управления Россией через князей-прислужников привел к устранению демократических институтов и заложил основы будущего самодержавия. Проблема монгольского влияния на русскую историю – выпячиваемая одними и загоняемая далеко в тень другими – может быть решена на основе признания, что монгольскую политическую систему русские не перенимали, потому что созданные завоеваниями и поддерживаемые военной силой институты империи кочевников для занятого сельским хозяйством населения не годились. Но русские, безусловно, усвоили политические приемы и понятия монголов, ибо в роли монгольских порученцев они привыкли обращаться со своим народом как с побежденным, как с людьми, лишенными каких бы то ни было прав.

Этот образ мышления и поведения пережил монгольское иго».

* * *

Обзор истории российского государства продолжает А. Тойнби («Постижение истории»): «Опыт универсальных государств свидетельствует, что эти учреждения одержимы почти демоническим желанием жить, и если мы попробуем посмотреть на них не глазами сторонних наблюдателей, а как бы изнутри, глазами их собственных граждан, то обнаружим, что и сами граждане искренне желают, чтобы установленный миропорядок был вечным (это желание характерно для граждан универсальных государств, которые устанавливались местными строителями империи, в отличие от универсальных государств, созданных завоевателями). Кроме того, они верят, что бессмертие институтов государства гарантировано.

В качестве примера приведем универсальное государство в России со времени правления Ивана III до Петра Великого. Когда прозрачная тень возрожденной Римской империи – призрак призрака эллинского универсального государства – была наконец ликвидирована оттоманским завоеванием Константинополя в 1453 г., русская боковая ветвь православия в это время прилагала усилия, чтобы создать свое собственное универсальное государство. Установление русского универсального государства приходится на период с 1471 по 1479 г., когда Московский великий князь Иван III (1462–1505) присоединил к Московскому княжеству Новгородскую республику.

Быстрая смена событий в основной области православия и его русской боковой ветви, драматический контраст между падением Константинополя и триумфом Москвы произвели глубокое впечатление на воображение русских. Н. Зернов пишет: «Расширение нации, рост империи – это обычный внешний признак внутреннего убеждения народа, что ему дана особая миссия, которую он должен выполнить. Неожиданное превращение маленького Московского княжества в самое большое государство в мире невольно привело его народ к мысли, что он наделен миссией спасти восточное христианство». Следует сказать, что и другие православные князья до Ивана III жаждали получить знаки отличия Восточной Римской империи. Они не раз обращали свои жадные взоры в сторону Константинополя, но их постоянно постигали неудачи в их нетерпеливых и дерзких попытках».

Исторически сложилось так, что москвиты получили некоторое преимущество. В 1472 г. великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего константинопольского императора Константина, и принял герб – двуглавого восточно-римского орла. В 1480 г. он сверг власть татарского хана и стал единолично править объединенными русскими землями. Его последователь Иван IV Грозный (1533–1584) короновал себя в 1547 г. и стал первым русским царем. В 1551 г. Собор русской православной церкви утвердил преимущества

русской версии православия над другими. Во время правления царя Федора (1584–1589) митрополит Московский получил в 1589 г. титул Патриарха Всея Руси.

Так серия последовательных политических акций обеспечила русским более благоприятную ситуацию, чем та, в которой оказались их болгарские и сербские предшественники, конец которых был ничтожен. Русские не были узурпаторами, бросающими вызов живым владельцам титула. Они остались единственными наследниками. Таким образом, они не были отягощены внутренним чувством греха. Чувство того, что греки предали свое православие и за это были наказаны Богом, сильно отразилось на далекой русской церкви, где антилатинские настроения были очень сильны. Русским казалось, что если греки были отвергнуты Богом за Флорентийскую унию, мыслившуюся как замена православию, то сами они получили политическую независимость за преданность церкви. Русский народ оказался последним оплотом православной веры. Таким образом, он унаследовал права и обязанности Римской империи».

* * *

Использование русскими авторитета Восточной Римской империи для доказательства веры в бессмертие своего универсального государства – прежде всего в политических целях – требовало значительных усилий, чтобы уберечь Третий Рим от судьбы, которая постигла Первый Рим и Второй. Прежде всего предстояло освободить от западного политического и церковного влияния русские православно-христианские земли, попавшие под власть Польши и Литвы в XIV в. Политическая миссия Третьего Рима никогда не сводилась к тому, чтобы спасти или реформировать Второй Рим. Она виделась в том, чтобы заменить его, тогда как миссия христианской церкви заключалась в том, чтобы заменить церковь Ветхого завета. Следствием идеи «Москва – Третий Рим» стало устойчивое убеждение русских в осознании ими своей судьбы, что Россия призвана быть последним оплотом, цитаделью православия.

В результате раскола, который начался в русской церкви из-за изменения обрядовой практики Московским патриархом Никоном, четыре греческих патриарха, хотя они принадлежали оттоманскому миру, на некоторое время стали судьями русского церковного достоинства. На Московском Соборе в 1666–1667 гг. присутствовали патриархи Антиохийский и Александрийский. Противники реформ Никона были отлучены от церкви. Кроме того, русских заставили подписать отказ от претензии, выдвинутой Собором 1551 г., которая сводилась к тому, что московское православие стоит выше всех остальных православных церквей. Никон был смещен и лишен сана.

В следующем поколении Петр Великий использовал свой могучий гений, чтобы коренным образом преобразовать Московию, превратив ее из русского православно-христианского универсального государства, верящего в свою исключительную миссию, в динамическое локальное государство, составной элемент европейской системы. Петр перенес столицу из православной Москвы в новый город, основанный на западном морском форпосте России и названный именем своего создателя. Новая столица оказалась и культурно, и физически на новой почве. Вестернизирующаяся Россия формировала правительство западного толка, лишенное каких бы то ни было следов старой православной традиции.

Петр попытался вестернизировать и церковь, отдав ключевые посты русской православной иерархии, ранее традиционно предназначавшиеся великороссам, священникам из левобережной Украины, отвоеванной у Польши – Литвы в 1667 г. Находясь под влиянием римского католичества, украинские православные клирики, вне зависимости от того, положительно или отрицательно относились они к романизации, должны были изучать римскую теологию, в результате чего они некоторым образом были ориентированы на западное мировоззрение. Наконец, после того как престол патриарха оставался незанятым в течение двадцати лет, в 1721 г. Петр I упразднил патриархат и учредил вместо него Священный Синод.

Серия ударов, казалось, была сокрушительной, однако идеал, заключенный в понятии «Москва – Третий Рим», не уходил из жизни в ее традиционно религиозном выражении и постепенно нашел себе новое выражение в терминах идеологии вестернизирующегося мира. В век западного романтизма русская вера в уникальную судьбу России и ее вселенскую миссию проявилась в славянофильском движении.

* * *

Особое внимание Тойнби уделяет попыткам Петра Великого и его последователей «вестернизировать» российское государство. Тойнби пишет: «Призывно играла сладкозвучная музыка Запада, под которую учились танцевать русские. Политика Петра Великого и его последователей представляла собой импровизированный ответ на западное давление, которое принимало болезненную форму военных ударов. Уже первые столкновения продемонстрировали относительную слабость России и насущную необходимость освоения ею западной техники. Однако время показало, сколь поверхностной была эта политика вестернизации.

Серия военных столкновений началась в XVI–XVII вв., когда Московия, пытаясь расширить и объединить свои западные территории, вступила в конфликт со Швецией и польско-литовским воинством. Хотя русское государство и добилось в ходе этих войн некоторых территориальных приобретений, реальное соотношение сил было не в пользу России. Явное технологическое превосходство западных армий не позволяло России уверенно чувствовать себя на своих обширных территориях. Неудовлетворительное состояние русской военной техники явилось тем вызовом, ответом на который стала петровская революция. Петр поставил перед собой нелегкую задачу приблизить гражданское и военное устройство России к западному уровню и стандарту тех времен. Успех этой политики увенчался разгромом шведской армии на Украине в 1709 г., а позже, век спустя, изгнанием из России армий Наполеона.

После разгрома Наполеона Россия оказалась на вершине успеха и власти. Однако это была лишь иллюзия, ибо череда войн 1792–1815 гг. завершала период, который можно назвать доиндустриальным. В Крымской войне (1853–1856) Россия еще могла противостоять своим западным противникам более или менее на равных, да и то лишь в силу консерватизма французских и британских военных стратегов. Однако Гражданская война в Америке и агрессивные войны Пруссии (1861–1871) уже велись на новой индустриальной основе, с применением новейшей техники. И очень скоро обнаружилась неспособность России к перевооружению на уровне западных технологий, что вылилось в унижающее поражение 1905 г. в войне с вестернизированной Японией.

Полное крушение постигло Россию, когда она столкнулась с военной машиной Германии в Первой мировой войне.

Все это подтверждало недостаточность петровских реформ для успешного противостояния быстро индустриализирующемуся миру. Ответом явилась русская коммунистическая революция. Неудачная революция 1905 г. была реакцией на поражение империи Петра в русско-японской войне. Катастрофа 1914–1918 гг., сделавшая очевидной и общепризнанной промышленную и социальную отсталость России, способствовала приходу к власти большевиков, определив в некоторой степени и их программу.

Таким образом, позитивные результаты вестернизации в России оказались весьма ничтожными, и, хотя политика эта проводилась более двух веков, она привела Россию Петра Великого к полному краху. Одно из объяснений подобного развития событий видится нам в том, что процесс вестернизации не затронул всех сторон жизни России и был жестко ограничен определенными рамками. Собственно, Запад так и не оказал глубокого влияния на жизнь и культуру России. Отсталая страна осваивает материальные и интеллектуальные достижения

развитых стран. Но это не означает, что она раболепно следует чужим путем, что она воспроизводит все стадии их прошлого...

Возможность перешагнуть через несколько ступеней, разумеется, ни в коей мере не абсолютна и в значительной степени определяется всем ходом экономического и культурного развития страны. Отсталая нация, кроме того, нередко вульгаризирует заимствованные извне достижения, приспособляя их к своей более примитивной культуре. При этом сам процесс ассимиляции приобретает противоречивый характер. Таким образом, усвоение некоторых элементов западной науки и техники, не говоря уже о военных и промышленных заимствованиях, привело при Петре I к усилению крепостничества. Европейское оружие и европейские займы – продукты более высокой культуры – привели к усилению царизма, который становился тормозом развития страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.